

Баллада ЛУНЫ

Елена Владеева

Елена Владеева

Баллада луны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69928636

SelfPub; 2023

Аннотация

Грозно высятся башни старинного замка, отгороженные от мира неприступной стеной. И скрытая от всех, томится в одной из них кроткая душа, попавшая в золотую клетку за свою красоту. Но нет на свете таких ворот и засовов, которые могли бы устоять перед всевластной Судьбой, ведущей героев тайными и причудливыми путями... Где будут негаданные встречи и счастливые надежды, коварство ревности и смертельная опасность, роковые ошибки и спасительная сила духа. Где все движется любовными страстями, продолжаясь в следующем поколении...

Содержание

Глава 1. Герцогиня	4
Глава 2. Повитуха	17
***	22
Глава 3. Пастушка	31

Елена Владеева

Баллада луны

Глава 1. Герцогиня

Эту загадочную историю до сих пор еще помнят в здешних краях. И передают из поколения в поколение не без доли тщеславия, как в иных местах гордость жителей составляют привидение древнего замка, легендарный лесной разбойник или пещера зловещей колдуньи. И каждый норовит рассказать ее на свой лад, расцвечивая всяческими домыслами и приплетая невероятные подробности, ведь никто так и не узнал никогда – что же произошло на самом деле? И лишь луна – вечная наперсница людских тайн – явив однажды в ясную ночь полнолуния свой сияющий лик и находясь в благорасположении к почтительно внимающим слушателям, могла бы поведать всю правду о той таинственной истории.

Жил в стародавние времена, в неприступном замке на высоком холме, грозный и могущественный герцог Конрад Неустрашимый. Велики были его богатые владения, и много подвластных ему рыцарей-вассалов, а разного податного

люда – и вовсе без числа... Пять лет прошло с того дня, как покинул земной мир его отец – столь же славный, непобедимый воин, завещав все земли и власть единственному наследнику. В первые годы не раз пришлось Конраду на поле битвы доказывать кое-кому из своих вассалов и дерзких воинственных соседей, что и храбростью в сражении, и крутым нравом, он – достойный сын старого герцога и потомок викингов! Но вскоре все непокорные смирились под его властной рукой, и тогда же получил он в народе гордое прозвание Неустрашимого.

И вот уже Конраду и его приближенным не осталось иных развлечений, кроме псовой охоты и рыцарских турниров, где могли они помериться недюжинной силой да покрасоваться на лучших конях в нарядных доспехах с фамильными гербами. А самый главный турнир в году герцог устраивал в память о своем отце, в день его летних именин. Отовсюду съезжались тогда рыцари-участники и званые гости с семьями, даже простым горожанам был свободный доступ на зрительские скамьи.

В том году, с которого начинается повесть, в финал турнира, как обычно, вышел сам герцог и недавно посвященный юный рыцарь, лишь второй раз принимающий участие в турнирах, но уже вызвавший всеобщее одобрение публики отчаянной смелостью и ловкостью, с какой он владел оружием. Даже герцог, опытный воин, с некоторым для себя удивлением, не без труда одержал над ним победу. Гордо проез-

жая затем вдоль рукоплещущих трибун, Конрад вдруг заметил редкой красоты девушку, сидевшую в ложе рядом с седовласым рыцарем, владельцем замка на самой границе его земель, неизменно сохранявшим верность еще его отцу.

Чудесная красавица ласково улыбалась и приветливо помахала нежной рукою, но вовсе не герцогу, а мимо – его побежденному сопернику. "Невеста его или сестра? Головной убор у нее девичий. Сестра, должно быть." – повернув коня, Конрад вновь оказался напротив прелестной девушки и на конце копья протянул ей свой шарф, цветов герцогского герба, в знак избрания ее Прекрасной Дамой сегодняшнего турнира. В то же мгновение рядом с ней возникли два пажа, держа подушку алого бархата, на которой лежал драгоценный венец – приз победителю. Отец что-то подбадривающе сказал дочери, и от смущения едва смея поднять прелестные, как фиалки, глаза – она увенчала надменную голову герцога.

После турнира по обыкновению была устроена богатая трапеза для всех участников и знатных гостей. По правую руку от себя, во главе стола Конрад усадил избранную им Прекрасную Даму, а слева – ее отца и брата. И чем приветливее герцог обращался к ним, особенно к отцу, и чем пристальней, разгоряченный недавним поединком и вином, он смотрел на очаровательную девушку, тем сильнее тревога и

почти осязаемое предчувствие беды терзали ее неискушенное сердце. Она с трудом проглотила лишь два маленьких кусочка жареного фазана, хотя ничего не ела с раннего утра. И бургундское вино, в колеблющемся свете факелов, казалось ей похожим на темную кровь. А грубые ножи, которыми гости отрезали мясо, будто вынутыми из-за пояса безжалостного душегуба. И первый раз в жизни она с искренней горечью пожалела о том, что была красива – так пугающе были огненные всполохи, плясавшие в серых глазах грозного хозяина.

А ночью Агнес – так звали девушку, тщательно заперев на засов отведенную ей мрачную комнату и даже не распустив шнуровку, лишь отстегнув тяжелый, с чеканными пластинами, пояс и сняв нарядную парчевую юбку, все никак не могла уснуть, тревожно вздрагивая натянутой тетивой. Особенно ее пугал старый шкаф черного дерева – чудилось, что за ним непременно должна быть потайная дверь в соседнюю комнату, которая вот-вот скрипнет, отворяясь... Но у нее не хватало решимости подойти и посмотреть, чтобы успокоить себя. Так и лежала она в оцепенении, укрывшись с головой жестким шерстяным покрывалом и поджав заледеневшие ноги на краю широкой кровати. А когда догорела последняя свеча, Агнес показалось, что ей не дожить до утра в здравом рас-судке...

Лишь на заре, когда слабо забрезживший свет из окна чуть оттеснил по углам страшные ночные видения, она чут-

ко задремала ненадолго. Внезапно ее разбудил стук в дверь. Вскочив и еще не опомнившись спросонья, Агнес похолодела от ужаса. Робко подойдя к двери, едва слышно отозвалась стучавшему, это оказалась служанка, которая передала, что отец немедленно требует ее к себе. Когда она вошла к нему в комнату, нетерпеливо ожидавший отец с порога радостно объявил, что герцог только что оказал им великую честь, пожелав взять Агнес себе в жены. У девушки потемнело в глазах, все омертвело внутри, и даже голос изменил ей. А отец, ничего не замечая, ходил по комнате, возбужденно потирая руки.

"Ты только подумай – какая неслыханная удача! Скоро ты станешь герцогиней! Уж теперь соседу-барону придется со мной считаться! Больше не отважится наглеч охотиться в лесу герцогского тестя. Ха-ха!.."

"Пощадите, отец!" – дрожащим голосом воскликнула Агнес, упав перед ним на колени, ловя его руку и пытаясь поцеловать – "Умоляю, сжальтесь надо мной! Не выдавайте за герцога, он мне страшен!"

"Не болтай глупостей! Дело уже решенное – я дал герцогу согласие. Да и кто бы посмел ему отказать? А про свои страхи можешь всласть наговориться с матерью, когда домой вернемся. Это же ваше любимое женское занятие – нитки да страхи перебирать!"

И только тут, при словах о матери, Агнес отчаянно и беспомощно разрыдалась, задохнувшись от горячих слез и не в

силах подняться с пола. Она слишком хорошо знала своего отца, чтобы еще на что-то надеяться.

Уже второй год прекрасная Агнесса была женой герцога Конрада Неустрашимого. Дойдя в рассказе до этого места, луна, верно, потупилась печально или даже умолкла на время, нахмурясь за набежавшим облачком, так грустно ей было вспоминать о виденном по ночам. А при свете солнца любая знатная девушка могла от души позавидовать юной герцогине – такие, невиданные доселе, богатые наряды и драгоценности дарил ей муж, и с таким искренним почтением относились к ней все придворные рыцари. А горожане, коим посчастливилось видеть герцогиню в соборе на воскресной мессе, в один голос говорили о ней с одобрением и восхищением: "Чисто ангел небесный!" – столь кротким и ласковым был взор ее чудесных фиалковых глаз.

Но герцог, очень гордившийся своей красавицей-женой, в последнее время был всерьез обеспокоен. Его тревожила неспособность Агнес родить ему наследника, да и вообще родить. Он приказал доставить в замок из города самую лучшую повитуху, велел ей хорошенько осмотреть супругу и сказать определенно – по ее разумению, ожидать ли ему ребенка? Повитуха со всею возможной тщательностью оглядев и расспросив Агнес, нашла ее совершенно здоровой и доложила, что не видит причин, из-за которых ее светлость не могла бы родить наследника.

"Так в чем же дело?" – грозно спросил герцог. "Это случается иногда, Ваша светлость... Никто не возьмется объяснить – почему, но порой супруги по десять лет детишек дожидаются. "Десять лет?! Да ты шутить что ли со мной вздумала?" – рывкнул возмущенный герцог. "Не гневайтесь, Ваша светлость! Дозвольте словцо молвить... Бывает, что очень помогает в подобном деле отправиться на богомолье в святые места. А в наших краях истинными чудесами прославлен монастырь Святой Анны. К кому же и обратиться женщине с заветнейшей просьбой, как не к матери Пречистой нашей Девы, коей лишь на склоне дней, по слезному ее молению, разрешил Господь неплодное чрево и даровал благословенное дитя." "Ну, что ж, тетка, послушаю тебя, пожалуй... Больно складно ты говоришь! Хорошо, пусть герцогиня съездит на богомолье, вреда, думаю, не будет."

В скором времени герцог самолично решил проводить жену в замок ее отца, откуда уже совсем недалеко было до знаменитого монастыря. Он намеревался пару дней погостить у тестя и возвратиться домой, а потом Агнес с матерью пусть отправляются в монастырь поклониться. Ему все эти молебства да стояния на службе часами – хуже постного обеда. К тому же, выражение обреченной покорности на лице жены стало надоедать герцогу, и захотелось ему пожить по-прежнему весело, по-холостяцки! Агнес же несказанно обрадовалась, что после долгой разлуки она наконец-то увидится с матушкой и любимым братом, и поспешила собраться в до-

рогу.

В замке родителей Агнес герцогская чета застала новых людей. Это был итальянский зодчий, приглашенный отцом для перестройки надвратной башни, и его сын и помощник – молодой человек весьма приятной наружности. Хотя, судя по всему, обыкновенно за трапезой они сидели, как гости, за общим столом, но в присутствии герцога им отвели скромное место в конце стола, и в разговоре они не участвовали, а может быть, еще плохо понимали здешний язык. Около каждого из обедавших лежала диковинка – маленький трезубец для мяса, и хозяин пояснил важному гостю, что это итальянское новшество. И герцог, вначале насмешливо примерившись, скоро выразил желание завести у себя такие же, только из серебра и богато украшенные.

Через три дня Конрад отправился домой. Как ни уговаривал его тесть погостить еще, как ни старался угождать в любой мелочи, но ничего интересного, кроме небогатой охоты в своем лесу, не мог ему предложить и безмерно этим огорчился. Но когда герцог со свитой уехал, все сразу почувствовали себя вольнее и развеселились, будто оставленные без строгого присмотра дети. И неожиданно оказалось, что и зодчий, а особенно его сын Алессандро, уже неплохо говорят по-здешнему. Больше года они вели перестройку старинной

башни, которую затеял отец Агнес, радуясь своему новому возвышению. Ведь прежде его заботила только надежность крепостных стен, зато теперь он вполне мог позволить себе щегольнуть перед ненавистным соседом-бароном. И не только за исполнение прямых обязанностей ценили зодчих хозяева замка – отец и сын были непревзойденными рассказчиками, особенно, когда речь заходила об их удивительной родине Италии. Множество увлекательных сказаний из ее древней истории поведали они своим восхищенным слушателям.

А с появлением в замке прекрасной молодой герцогини, Алессандро просто превзошел себя в красноречии! К тому же он замечательно рисовал и с непритворным удовольствием придумывал для дам всевозможные узоры для вышивок, и таких они с матерью никогда прежде не видели. А сколько он знал чудесных романтических баллад! И обладая приятным голосом, теплыми вечерами на террасе услаждал их слух, сопровождая свое пение мелодичной игрой на лютне и вкратце пересказывая содержание. Словом, не было, кажется, такой способности, в коей не преуспел бы Алессандро, разве что во владении тяжелым двуручным мечом – навыке, присущем лишь благородному рыцарскому сословию, и к охоте он был совсем равнодушен. А еще радовало Агнес, что брат стал с ним почти неразлучен, взялся учить итальянский язык, интересовался зодчеством, много времени проводя на башне, и даже неумело пытался рисовать, чем неизменно вызывал усмешки отца. И как знать, не родился Артур

рыцарем, вынужденным подчиняться строгим законам чести и сыновнему долгу, возможно, он отправился бы потом вместе с новым другом в далекую, прекрасную Италию.

Через неделю Агнес с матерью в сопровождении небольшой свиты отправилась на богомолье в монастырь Св. Анны. Много было переговорено между ними в дороге, и не без слёз... Да еще неожиданное волнение от встречи с Алесандро мешало Агнес погрузиться в состояние молитвенной сосредоточенности. Но когда они подъехали к монастырю, вид его суровых башен и древнего собора тотчас устыдил ее мирские суетные мысли, и трепетное смирение тихо наполнило душу. Какими ничтожными показались ей здесь, под устремленными ввысь сводами собора, свои приземленные чувства и недостойные грешные мысли!.. От самого сердца исторглись в раскаянии светлые слезы, и с прежней детской верою преклонив колени перед резным старинным Распятием, кротко умоляла она милосердного Господа простить ее и ниспослать в утешение долгожданное дитя.

И по возвращении из монастыря Агнес старалась подольше сохранить это благодатное умиротворение, отогнать невольные свои мечтания, в которых ощущался несомненный и непростительный грех. Теперь она все чаще оставалась у себя или уходила в покои к матери, и они вместе вы-

шивали по чудесным узорам Алессандро. А он, встревоженный стремлением к уединению и необъяснимым молчанием Агнес, в те редкие минуты, когда они встречались за столом, украдкой ловил ее взгляд, но тщетно...

Однажды в послеполуденный час Агнес сидела в саду на скамье под кустом отцветающего жасмина, и провожая изредка взглядом облетающие лепестки, с тихой грустью смотрела на строящуюся башню – ведь он был где-то там... Близкие шаги по гравию вывели ее из задумчивости – Алессандро неожиданно предстал перед ней и ожег темными, как ночь, глазами. Без слов опустившись на колени, он горячими бесчисленными поцелуями стал покрывать ее руки, уроненные в складки платья. Агнес вся затрепетала, едва дыша от восторга и ужаса, в висках бились волны... А он, умоляюще взглянув на нее, вдруг страстно заговорил на своем языке, и она, не зная почти ни слова, всем существом, всей истосковавшейся душою поняла его отчаянное признание в любви и поверила мгновенно, без рассуждений! Алессандро прижался пылающим лбом к ее дрожащим коленям, и не выпуская нежных рук, уже существовавших отдельно от Агнес и всецело теперь принадлежащих ему, вздохнул с такой несказанной мукой, что сердце ее сжалось до боли. "О, не просите у меня ответа, Сандро! Если в глубине души я могла бы дать волю чувствам, то в словах я не вольна." Но взгляд ее дивных глаз все сказал за Агнес, такая бесконечная любовь и нежность сияла в них, заслоняя тревогу и смятение.

Что отвечал своей кроткой возлюбленной Алессандро, долго ли не разнимали они сплетенных рук, и не коснулась ли губами Агнес его чуть выющихся волос – об этом и луна никогда не рассказывала. Возможно, из сочувствия к двум, не ко времени нашедшим друг друга, сердцам. А может быть, в жизни существуют тайны, непроницаемые даже для всевидящей луны? Когда судьбой даруются несколько волшебных мгновений – и душа, как по воде, может пройти над всеми жизненными препятствиями, условностями и невозможностями! И потом долгие годы те драгоценные воспоминания, ласковыми и сильными крыльями, поддерживают человека, изнуренного тяжелой бессмысленной участью, без радости и надежды.

А на другой день, зловещим вестником выбив дробь по брусчатке двора, примчался гонец от герцога с требованием, чтобы Агнес, не замешкав, возвратилась домой. Словно узник, приговоренный наутро к казни, она стала собираться в дорогу. Жизнь – единственная ее жизнь! – вчера проскользнула мимо, едва коснувшись... А чужая, такая грубая и безжалостная, навеки придавила сердце, как могильной плитой. В спальню вошла мать и положила на постель несколько рисунков Алессандро. Увидев их, Агнес не могла сдержать слез и молча уткнулась в родное плечо, вздрагивая хрупким те-

лом. Обняв дочь, мать ласково гладила и целовала ее светло-каштановые волосы и тихо шептала бесполезные слова утешения, чтобы передать Агнес свою любовь и тепло. А про себя думала горько: "Бедная моя девочка! Если б я могла хоть чем-нибудь помочь тебе! Под несчастливой звездой ты у меня родилась. И даже имя дали тебе пророческое – агнец жертвенный..."

Утром следующего дня проплакавшая всю ночь Агнес простилась с родителями. Артур сопровождал сестру до половины пути, где ее ожидала небольшая свита герцога. Перекрестив напоследок брата, Агнес с глазами, полными слез, поцеловала и нежно прижала его ладонь к своей лихорадочно горевшей щеке. Она знала наверняка – первое, к чему прикоснется Алессандро, будет рука брата, хранящая и отдающая частицу ее вечной любви.

Глава 2. Повитуха

Каким же мрачным, бездушным и холодным показался по возвращении от родителей герцогский замок... Разве величие или богатство мужа, ничего не говорящие ее лишенному тщеславия сердцу, могли заменить прелесть недавних вечеров рядом с милым Сандро? Как нарочитое оскорбление, звучали для нее ежевечерние громкие возгласы и развязный хохот подвыпивших придворных герцога, гулко раздавшиеся под сводами парадного зала. Лишь одно в этом было хорошо – муж, скоро утолив после разлуки свой пыл, все реже докучал Агнес, бражничая внизу до глубокой ночи. И днем никто не нарушал ее покоя – она вышивала в тихом уединении, без утайки проливая слезы и покрывая нежными поцелуями рисунки Сандро. И подолгу молилась потом перед Распятием...

И однажды она поняла, что кажется, недостойная прощена... Что грешные мольбы ее услышаны – Господь посылает ей долгожданное дитя! Еще не вполне доверяя своим ощущениям, ведь ей не с кем было поделиться и посоветоваться, она робко сказала о чудесной новости мужу. И на радостях герцог кутил со всем двором целую неделю. Правда, Агнес было уже не до веселья – так замучили ее обморочная слабость и непроходящая дурнота. Герцог срочно велел призвать давешнюю повитуху. Она тут же приготовила мудре-

ный отвар из принесенных с собою трав, и Агнес стало гораздо лучше. И до того ей понравилась эта расторопная и умелая повитуха, так чудесно успокаивали душу ее ласковые затайливые разговоры, что Агнес решилась попросить мужа взять эту женщину в замок. Герцог позволил и, памятуя мудрый совет о богомолье, определил повитуху на службу, вроде пажа, назначив ей щедрое содержание.

С ее появлением грустная жизнь Агнес, как по волшебству, переменилась. Она уже не плакала часами над вышивками, не молилась о своих грехах, и не мучилась тревожными опасениями. Повитуха умела несколькими словами развеять все ее недобрые предчувствия, ободряюще уверить, что несомненно все будет хорошо и у герцогини родится прелестный ребеночек – всем людям на радость! Бывая в городе в разных домах, она видела и слышала множество любопытных и поучительных житейских историй и так увлекательно их рассказывала, что слушая ее, Агнес непрестанно удивлялась, и смеялась, и плакала. Вдруг оказалось, что к своим семнадцати годам, она почти не знала жизни. Но зато теперь ей некогда было предаваться тоскливым мыслям и скучать. Хлопотунья-повитуха окружила ее всевозможными заботами, и для Агнес, отвыкшей в замке герцога от нежности и теплого отношения, это было необычайно трогательно. Да и повитуха всей душой привязалась к юной госпоже, и глядя на Агнес, нередко вспоминала свою давно умершую дочурку, ведь ей сейчас было бы столько же лет.

С первого дня она убрала подальше пяльца с вышивками и все иголки. "В таком положении, Ваша светлость, шить никак нельзя! Уж давно известно, что это плохая примета." Она принесла от птицелова замечательного щегла, и он радовал теперь Агнес своими веселыми песенками. А главное, повитуха присмотрела в городе сразу двух очень хороших кормилиц для ребенка – на выбор. Кроме того, они во всех мельчайших подробностях обсуждали приданое для малыша и его будущее имя. "Знаешь, Паулина, если родится девочка, мне бы очень хотелось назвать ее Розалиндой, Рози. А если мальчик, то... Впрочем, мальчику имя, конечно, выберет герцог – это ведь, как титул." По совету мудрой повитухи Агнес покинула супружескую опочивальню и обосновалась на пустующей "женской половине" замка, где когда-то появился на свет и сам герцог. Он даже на это новшество, криво усмехнувшись, согласился: "Ладно, делайте – как знаете." Тут было гораздо уютней и теплее, чем в сумеречных покоях герцога. А Паулина устроилась рядом с постелью Агнес, в глубокой нише, отделенной от спальни тяжелым ковровым гобеленом – чтобы неотлучно быть от нее поблизости.

Так в неизбежных, но приятных хлопотах на новом месте и нескончаемых женских разговорах прошла осень. Потом долгая, вьюжная зима... И вот на исходе весенней ночи, промучившись не больше, чем ожидала повитуха, Агнес благополучно родила дочку. Паулина возблагодарила Господа и вместе со служанкой принялась хлопотать над младенцем.

А вечером у Агнес внезапно начался сильный жар. Повитуха так и ахнула – горячка! Но все же было хорошо! И она почти сразу догадалась, в чем дело – это Агнес украдкой велела служанке поменять ей сорочку, когда за Паулиной прислали пажа от герцога, и ей пришлось ненадолго отлучиться. А уж как она предостерегала герцогиню, что ей ни в коем случае нельзя раскрываться! Ведь у рожениц смерть еще долго за плечами стоит... На ее памяти, да и мать ей рассказывала, были случаи, что женщины поплатились жизнью за перемену белья. Но бедняжка Агнес, верно, подумала, что герцог захочет увидеть ребенка и придет, а она такая неприбранная. Повитуха-то знала, что новорожденные девочки редко интересуют отцов, вот и герцог выслушал ее весьма мрачно и смотреть на дочь не собирался, ведь он так надеялся на сына. А теперь и вовсе жди беды! В сердцах она отхлестала по щекам молоденькую служанку за дурь ее и слушание, но битьем дела не поправишь. Паулина засутила в своем уголке, быстро смешивая лечебные травы. Чайник уже закипал на каминной решетке.

Всю ночь и следующий день, сидя у изголовья постели, она поила госпожу травяным отваром, чтобы сбить горячечный жар, и обтирала раствором уксуса, но ее страдания не становились легче. Хуже того – она впала в беспамятство, и

начался бред... Даже герцог, забеспокоившись о жене, приходил несколько раз, и присев на кровать, подолгу смотрел на метавшуюся Агнес и хмурился. И вдруг случилось нечто ужасное. Герцог сидел возле бредившей Агнес, когда она совершенно отчетливо простонала: "Сандро!"

Повитуха, бывшая рядом, в первый миг застыла в недоумении, а потом ей стало страшно – так дико исказилось лицо герцога. Оцепенев, она невольно попятилась и вжалась в стену, не в силах отвести взгляда. Герцог приник ухом к самым губам жены, и прислушиваясь, замер в ожидании... Агнес тихо бормотала что-то неразборчивое, а потом, мучительно запрокинув голову, опять позвала с тоскою: "Сандро!" Лишь тогда Паулина опомнилась и тенью скрылась за гобеленом. Герцог опустил глаза, и даже под бородой было видно, как яростно ходили его желваки. Он тяжело поднялся и молча вышел.

И еще одна бессонная ночь подходила к концу. Повитуха, почти не отходя, лишь изредка забываясь ненадолго, приклонившись к спинке стула, сидела возле Агнес и уже теряла надежду ей помочь. Она готовила в своей каморке травяной отвар и слышала шаги герцога, но никак не ожидала увидеть того, что вдруг предстало ее глазам, когда с кружкой она выглянула из-за ковра. С перекошенным от ненависти лицом, он зловеще наклонился над колыбелью и уже занес подушку над спящей девочкой, явно намереваясь ее удушить! Паулина, не сдержавшись, громко ахнула. Герцог тут же отпрянул и пробормотал:

– Вот показалось, что голове ей слишком низко. Хотел подушку подложить, да не знаю, как взяться... Помоги-ка!

– Ах, Ваша светлость, младенцев нельзя класть на подушку – спинка сгорбится.

– Да? Я не знал.

Резко повернувшись и даже не взглянув на мучительно стонавшую Агнес, он вышел из спальни. А испуганной Паулине вдруг спешно понадобилось забежать в маленький чуланчик в дальнем конце коридора. Когда она уже оправляла юбки, то услышала совсем рядом на лестнице, хотя и приглушенные, но вполне различимые мужские голоса – это были герцог и его верный слуга и оруженосец Йохан.

"... велю сейчас привезти лекаря из города, раз сама ничего не может, а ты поедешь с ней. Чуть мост минуете, кольнешь ее по-тихому и прикопай где-нибудь в лесу. Проще бы скинуть в ров, но могут сверху заметить – пойдут слухи. И запрыгай скорее, а то светать начнет!

Услышав такие слова, Паулина обмерла и чуть не осела в поганое ведро. Это же о ней говорят! Ведь это ее герцог сейчас приказал убить за то, что она видела и знает! Да и за услышанное раньше вряд ли оставили бы в живых – как она не сообразила? Внезапно всю спину и ноги до самых пят обдало холодным потом... Но известно, что всякая повитуха, по роду ее занятий, должна обладать бестрепетным сердцем и быстрым умом. Убедившись, что шаги на лестнице стихли, она на цыпочках мимо комнаты кормилицы, неслышно проскользнула в спальню. Несчастной Агнес теперь едва ли кто поможет, головой-то вовсе с подушки съехала и все бредит... Ох, горе! Паулина торопливо перекрестила ее, запахнулась в теплую накидку с капюшоном, схватила мешочек со снадобьями, а деньги она всегда держала при себе в потайных карманах широкой юбки. Рука дернулась было к любимым агатовым четкам Агнес, но их нельзя будет ни сохранить на память, ни продать в крайней нужде – слишком приметная вещь.

И она уже метнулась к двери, как взгляд, обежавший напоследок спальню, на мгновенье задержался на колыбели. Малышка была сыта – кормилица только недавно принесла

ее, и сладко спала. Необъяснимое чувство толкнуло в сердце, и подчиняясь ему, повитуха вдруг прижала к себе девочку, закрыв накидкой, а в карман поспешно сунула пару тонких пеленок – первое, что попало на глаза, и так же быстро прошмыгнула обратно в чуланчик. Она знала, что там была дверца на черную лестницу, по которой служанки утром уносили ведро и поднимали воду. Держа на одной руке ребенка, повитуха с трудом протиснулась через узкую дверцу – просто чудо, что девочка не заплакала, и впотьмах спустившись по винтовой лестнице – когда жить захочешь, еще и не то сделаешь! – оказалась на хозяйственном дворе.

Уже светало, хотя было пасмурно и накрапывал мелкий дождик. На ее удачу, во дворе никого из слуг замка Паулина не увидела, зато стояли две крытые повозки, и заспанный паренек впрягал в них лошадей. Повитуха в отчаянии бросилась к нему, и хватая за руку, умоляла подвезти до ближайшей деревни. Ей и притворяться нужды не было – так била ее дрожь, зубы стучали от страха, а по щекам неудержимо катились слезы. Парень даже опешил и скорее позвал отца или, может, старшего из них. Тот человек оказался очень сострадательным, молча кивнул и посадил Паулину в повозку. Она торопливо забилась в дальний уголок и закрылась большими кусками выделанной кожи, лежавшими там вна-

валку. Мужчина заглянул внутрь: "Только смотри, мать, за ребенком – товар нам не попорти!"

Через короткое время тронулись в путь. Старший сидел на козлах – они разговорились. Это оказались кожевники, приехавшие сюда торговать из другого города. Накануне, долго выбирая и торгуясь, их допоздна задержал управитель, да еще пошел сильный дождь, и они побоялись, что по размокшей дороге им не добраться к ночи до постоянного двора, и упросили остаться до утра в замке. Управитель позволил с условием, чтобы лишь только рассветет и откроют ворота для крестьян, привозящих продукты на кухню, они быстро уехали и не мешались под ногами – герцог чужих в замке не терпит.

Пока он говорил, повитуха, слушая одним ухом, лихо-радочно придумывала свою историю. Она должна быть настолько жалостливой и правдоподобной, чтобы кожевник, не затребовав платы – ведь одета она чисто и не бедно – довез ее до какой-нибудь дальней деревни, где она укрылась бы на первое время, а там видно будет. Нельзя и виду подать, что у нее есть деньги, слишком опасно судьбу искушать – вдруг введешь людей во грех, а дорога-то не ближняя... Хоть она неплохо в человеческой природе разбиралась и видела, что этим вполне можно довериться, но все-таки бабьи слезы и причитания были надежней. Что-что, а уж рассказывать – да так, чтобы слушатели себя забывали, повитуха умела! Правда, врать по-настоящему ей прежде редко доводилось, разве

что успокоить будущих рожениц, но то дело самое обыкновенное, утешительное – иначе и нельзя. Ну помогай, Господи!

И слушая горестную повесть Паулины, никто бы не усомнился в ее правдивости – ни в едином слове! Там была и умершая на днях родами единственная дочь. И бессердечный зять – служилый человек герцога, так ждавший появления наследника, что от злости выгнал из дому тещу с этой вот новорожденной девочкой. Кормилицу ей теперь надо где-то сыскать. И дочку, ирод, схоронить не дал, и голову им негде преклонить... Окончив свой печальный рассказ, не раз прерывавшийся всхлипами и тяжкими вздохами, Паулина прижала мокрый платок к заплаканным глазам, и ее оставили в покое – пусть вздремнет немного и отдохнет, пока доедут. Правда, одну деревню они уже миновали, но повитуха уклончиво попросилась ехать дальше. Еще когда они только отъехали от замка, ей послышался стук копыт по мосту, постепенно затихший в отдалении -значит, ее хватились и поскакали в сторону города. А если обшарив ее скромное вдовье жилище, слуги герцога вспомнят, что заметили чужие повозки, и погонятся следом по этой дороге? И повитуха глаз не смыкала от страха, опасливо поглядывая в уходящую даль и зорко осматривая незнакомые места, по которым они проезжали.

К тому же девочка проснулась и запищала тихонько, а скоро и вовсе голодная раскричится – беда! И тщетно стараясь укачать малышку, шепча ей ласковые слова, повитуха все думала про несчастную Агнес – как она, жива ли еще? – и горестные мысли разрывали ей сердце. "Мать я не уберегла – вечный мой неизбывный грех! – так ребенка должна выходить, хоть костями лягу!" А в скором времени малышка уже кричала изо всех силенок. Подоткнув под нее складки юбки – животу стало тепло и влажно, повитуха прижимала ее к себе, беспокойно глядя вокруг.

Неожиданно в стороне от дороги, почти у кромки леса, показалось одиноко стоявшее жильё с хозяйственными постройками. Когда подъехали ближе, то увидели приземистый светлый домик среди фруктовых деревьев, подернутых прозрачной весенней зеленью, и чуть дальше на холме – белых пасущихся овец. А у крылечка сидела женщина, и по ее позе, по нежной сосредоточенности, повитуха прежде, чем разглядела – сердцем поняла, и оно не могла обмануться! – что это мать кормила грудью ребенка. Радостно вскрикнув, Паулина попросила возницу остановиться и высадить ее здесь, иначе ребенок совсем зайдется в крике. От всей души она поблагодарила добрых людей за помощь, и спотыкаясь затекшими ногами, кинулась к домику.

Подбежав, с причитаньями неуклюже плюхнулась на колени перед молодой женщиной, умоляя ее покормить девочку. " Дочка моя померла вчера. А зять из дому выгнал с ребенком – так разозлился, что не сына родила. И куда идти мне теперь, не знаю... Помогите, ради Христа, приютите хоть на пару дней, внучку мою спасите!" Молодая женщина сначала только растерянно и испуганно смотрела на плачущую повитуху, но потом отняла от груди своего уже засыпавшего младенца, и положив его рядом на лавку, взяла на руки девочку. На рыдающий голос Паулины из дома вышел крепкий старик, повязанный фартуком, она со слезами и его стала умолять помочь им. Он молча выслушал ее горестный рассказ и ответил просто:

– И вовсе у нас живи, коли с хозяйством сможешь управиться.

– Смогу, родимый, все смогу!

– Вот и ладно. Руки нам теперь очень нужны, а то, видишь, сноха пару дней, как родила – едва стоит еще... Взяли было девчонку из деревни, да неумехой оказалась. Сыновья-то мои оба при овцах, а скоро и стрижку начинать! Сам вот кухарю... А ты, небось, тоже есть хочешь?

– Да не откажусь...

– Ну, пошли в дом. Звать-то тебя как?

– Ханна.

И осталась повитуха с девочкой жить у пастухов. Вскоре детей окрестили вместе в ближней деревне, как брата и сест-

ру, а муж с женой приняли сиротку, как родную. Назвавшаяся Ханной, Паулина упростила их не говорить девочке об ее умершей матери, а сама она будет считаться ей тетушкой. Да еще, исполнив пожелание бедной Агнес, дала малышке имя Розалинда, Розы.

Шли дни за днями, незаметно складываясь в годы... Подрастала всеобщая любимица, веселая малышка Розы и все больше походила на свою красавицу-мать. А названные родители не могли надивиться на дочурку – так разительно отличалась она от грубоватых деревенских ребятишек. Поэтому Паулина всегда уводила ее подальше от чужих глаз, когда приезжали к ним покупатели за овечьим сыром или шерстью, и не позволяла ездить с отцом на рынок в город. Но зато каждую осень, на два-три дня они отправлялись с товаром на ярмарку в дальний городок за рекой, и для Розы с братишкой это был настоящий праздник! Они с пеленок были очень дружны, играли по целым дням в саду возле дома, а став постарше, надолго уходили с отцом на пастбище или собирали в лесу ягоды, грибы и орехи.

Тетушка Ханна варила из ягод отменное варенье и пекла замечательно вкусные пирожки с грибами и малиной. Еще она учила Розы рукоделию, и та становилась очень хорошей мастерицей, на ярмарках нарасхват покупали ее вышивки.

Она была необычайной выдумщицей, придумывала разные узоры, и даже косички своей появившейся спустя пару лет младшей сестренке, заплетала по-особенному, вплетая в них разноцветные нити.

И глядя на ее утонченную красоту, на удивительные, цвета фиалок глаза, и слушая, как мелодично напевает она простые деревенские песни, Паулина тихо радовалась, благодаря Небеса. Но в самой глубине сердца чувствовала скрытую, неизбывную тревогу... "Неужели им до сих пор грозит опасность? И долго ли она сможет удерживать Розы вдали от людей? К ним уже и сваты из деревни пару раз наведывались, но Розы только отвечала шутками на эти предложения. А ведь ей скоро пятнадцать, весь век в девках не просидишь, и от людей не спрячешься. Что-то дальше будет? Ох, грехи наши тяжкие..."

Глава 3. Пастушка

После смерти Агнес герцог Конрад сделался мрачен и свиреп. В первом порыве ярости он приказал хоть из-под земли найти исчезнувшую повитуху, обещав солидную награду, и готовил ей лютую погибель, объявив, что она коварством извела герцогиню с новорожденным младенцем. Крошечный гробик, не открывая, закопали, как и положено, за церковной оградой, ведь ребенка окрестить не успели. Молоденькую служанку, которая была при герцогине в последние дни, с тех пор никто не видел. Кормилица знала не больше других: только, что ребенок внезапно умер, и ее отпустили домой. А люди в замке, а потом и в городе, всякое говорили, но тишком и опасливо оглядываясь...

И странное дело, пребывая в жестокой скорби, герцог еще до похорон спешно повелел доставить из замка тестя итальянского зодчего и его помощника. Но гонцы вернулись с известием, что мастера, окончив работы, недавно уехали на родину. Герцог впал в такое неистовое бешенство, что даже верный Йохан старался лишний раз ему на глаза не показываться, слишком многие попали тогда под его скорую на расправу руку.

Отцу и брату Агнес было строжайше запрещено покидать пределы их вотчины. Горделивый тесть не смог вынести невыносимого унижения и через несколько дней скончался

от удара. Мать Агнес, которой единственной из семьи было дозволено проститься с дочерью, следом похоронила и супруга. Брат Артур метался раненым зверем в бессильном отчаянии... То видя безмерное горе матери, он пытался хоть немного утешить ее страдания, но со свойственной ему чуткостью понимал, что они неизбывны вовеки. То безуспешно изыскивал способы отмщения герцогу, даже ценою собственной жизни! В глубине души он был твердо уверен – это герцог, сущее чудовище, убил их добрую милую Агнес. Но потом Артур спохватывался, что не смеет погибнуть и оставить мать одну на свете.

А сам Конрад постоянно был в мрачном расположении духа, все осточерчело ему. Ни турниры, ни охота больше не горячили кровь, и кутил он теперь безо всякого куража – просто напивался каждый вечер по-привычке. Только лет через пять он вновь надумал жениться. На сей раз его выбор пал на молодую вдову сопредельного правителя – Брунгильду, и правду сказать, лишь те земли были причиной для нового брака. Одна власть неизменно, по-прежнему влекла герцога. Состоялось пышное венчание, но никакой радости это шумное, на всю округу, событие никому не принесло. Сын Брунгильды восьмилетний Генрих, бывший предметом обожания старого отца, чувствовал себя совершенно потерянно в чужом замке, и со жгучей детской обидой видел, что суровый отчим едва терпит его. Но матушка ему сказала: "Мальчик мой, пойми – так надо!", и он молча глотал слезы...

Сама новая герцогиня никаких чудес от замужества и не ожидала – ее заботила только судьба единственного сына, ведь владения ее покойного мужа, зажатые между северным герцогством и южным графством, были столь малы, что постоянно подвергались опасности завоевания. Правда, имея неограниченное влияние на любящего супруга и очень умно маневрируя среди подводных камней соседских отношений, Брунгильда – где лаской, а где хитростью – умела сохранить независимость их земель и даже приобрести покровительство как графа, так и герцога Конрада, соперничавших между собой. Особенно старалась она, не уронив при этом чести мужа, но тонко намекая на угрозу от графа, привлечь к себе герцога, который сам явно был не прочь округлить свои владения в их сторону. Но овдовев, она поняла, что ей уже не сдержать поползновений Конрада, и самое разумное – скрепя сердце, принять его предложение, обеспечив тем будущее сына.

А герцог, опять страстно возмечтавший о наследнике, через короткое время понял, что и теперь надежды его тщетны. И с новой силой возненавидел покойную Агнес, свою нынешнюю жену и ее мальчишку. Но чуть поостыв, он стал припоминать, что вроде бы ни разу не замечал, чтобы округлилась хоть одна из хорошеньких служанок, приставленных управителем убирать его покои. Хотя девушки сменялись довольно часто, поскольку одни и те же ему скоро надоедали. Но похоже, дело не в женах... Выходит, это его судьба

жестоко наказывает бездетностью за неведомые грехи. По-сокрушавшись так, герцог неожиданно для всех приблизил к себе пасынка Генриха, стал часто брать его на охоту, подарил смирную лошадь и окружил полезными наставниками. Вскоре мальчик, унаследовавший спокойную рассудительность матери и внявший ее мудрым советам, даже пришелся отчиму по душе. Герцог принародно объявил его сыном и законным наследником всех обширных владений. И минуло еще десять лет.

Рози с младшей сестрой собирали землянику на опушке невдалеке от дома, когда совсем близко раздался многоголовый пронзительный лай, и из рощи вылетела большая свора пятнистых длинноухих собак. Сестры почти не испугались, ведь они с детства привыкли к своим пастушеским собакам-сторожам, но удивились необычайно. Затем послышались перекликающие мужские голоса, приглушенный мягкой землей топот коней, и вслед за собаками из-за деревьев показалось несколько охотников. Рози сразу вспомнила – однажды по дороге на ярмарку отец указал ей на похожих всадников и сказал, что они – охотники. Но то было далеко за речкой, а в их краях сроду никто не охотился, места тут слишком холмистые, только для овец и пригодные. Выехавший вперед статный молодой человек, и судя по все-

му – главный среди них, помедлил, не отводя восхищенного взгляда от Розы, а потом ласково обратился к ней:

– Как тебя зовут, милая девушка?

– Розалинда, мой господин.

"Эта очаровательная Розалинда – и здесь, при овечьей отаре? Удивительно!" – подумал Генрих.

– Розалинда? Какое неожиданное имя для пастушки! – он улыбнулся, явно любуясь ею.

– А как бы Вы назвали, Ваша светлость?

– Ну, может быть, Грета или Ханна...

– А Ханной зовут мою тетушку. Это она окрестила меня Розалиндой. – весело засмеявшись, ответила Розы.

Когда Паулина услышала звонкий лай охотничьих собак, она в испуге хотела кинуться искать Розы, чтобы увести в дом, но как на грех, ее уже несколько дней мучила упорная ломота в пояснице. И пока она, кряхтя да причитая, поднялась с лавки и доковыляла до порога, а уж Розы, нимало не смущаясь, беззаботно разговаривала с молодым, богато одетым всадником. А чуть поодаль остановились полукругом верховые охотники и егеря, у ног которых лежали, высунув языки, запыхавшиеся собаки. Сестренка, глядя во все глаза и даже приоткрыв от удивления рот, незаметно стояла в стороне. У Паулины душа мгновенно ушла в пятки. Этот всадник не мог быть никто иной, как юный герцог – наследник ужасного Конрада. Женщина попятилась обратно в дом... Хотя прошло много лет и она сильно постарела, но до сих пор

страшно боялась, что кто-то неминуемо сможет ее узнать, и тогда не сносить ей головы! А Роза уже проворно спустилась в погреб, вынесла кувшин молока и подала напиток герцогу. Он выпил, не сводя с нее глаз, учтиво поблагодарил и вдобавок ласково сказал что-то, наклонившись к ней с седла, от чего Роза зарумянилась, довольная. Потом все ускакали.

А через три дня Генрих вновь привел охотников к их дому. Так получилось, что герцог Конрад недавно подвернул ногу – его конь неловко перескочил через поваленное дерево, и всадник не смог удержаться в седле. Благодаря этому случаю, Генрих впервые сам возглавил охоту. Но ему наскучило скакать все по одним и тем же, давно привычным местам, и несмотря на уговоры старшего егеря, захотелось посмотреть – что в дальнем лесу за холмами? С добычей там, и правда, не слишком повезло – поднятый олень ушел от погони – ведь ни егеря, ни собаки не знали тех мест – и пришлось им довольствоваться молодым кабаном. Но зато, когда лаем перепугав чьих-то пасущихся овец, собаки выскочили к домику на опушке леса, Генрих задохнулся от счастья – столь необыкновенна была встреченная ими девушка! Прекрасная и несравненная Розалинда!

А поговорив с ней он понял, что никакие силы в мире не заставят его отказаться от чудесной пастушки – ни сам герцог, ни любимая матушка. Но она, к великой его радости, ничуть не возражала против выбора сына и даже обещала как-нибудь уговорить мужа. Ведь она, как сегодня, помнила

тот горестный день, когда саму ее, не спрашивая, выдали за пятидесятилетнего старика. Пусть лучше сын выберет жену по сердцу, чем герцог женит его на дочери кого-то из своих кичливых рыцарей. К тому же она не хотела отказать себе в удовольствии немного поквитаться с Конрадом за его всегдашнюю высокомерность.

И вот под предлогом новой охоты на оленя, Генрих примчался объясниться с возлюбленной Розалиндой. Попросив ее в придачу к молоку отрезать ему еще краюху хлеба, он вошел следом за ней в дом, и вскоре они появились на пороге, зардевшись, нежно держась за руки, и глаза у обоих сияли от счастья! Все окружающие с почтением им поклонились. А через неделю прибыл небольшой обоз с подарками для невесты и всей ее родни, а также швеей и башмачником, чтобы снять мерки и предложить Розалинде драгоценные заморские ткани для подвенечного наряда. Восторженно влюбленный Генрих очень торопился со свадьбой до Успенского поста.

Еще после первого появления охотников тетушка со слезами умоляла Розу опомниться и скорее забыть про молодого герцога, приводя с десятков причин, убедительно нанизанных одна на другую в ее бессонные, тревожные ночи... Главное, что Роза совсем не пара такому важному наследни-

ку, она будет во всем и от всех зависима – с ее-то нравом! – и неизбежно несчастлива. Но в ответ Розы лишь гордо и почти надменно вскидывала свою изящную голову. Да неужели тетушка не понимает, что именно теперь она и встретила единственно достойную пару! И едва всерьез не поссорилась с ней, впервые в жизни. "Ишь, как лошадка норовистая – всех переупрямит! И чья это кровь в ней играет? Уж на что мать ее чистый ангел была, а и в ней свой тихий омут отыскался." – так, глядя на Розы, размышляла Паулина, но все не успокаивалась и не отставала:

– Но, если кто спросит – сколько тебе лет? – умоляю, прибавь год! Скажи, что уже шестнадцать. Обещай сделать, как я прошу, побереги себя и всех нас!

И даже любимый брат, с кем Розы много лет была неразлей-вода, почему-то насупился и не спешил разделить с сестрой ее радость. Но вот наступил канун свадьбы, когда Розы вместе с родителями отправилась в замок герцога. Это она настояла, что не будет никаких посаженных – разве она безвестная сирота? Проводив их, Паулина совсем слегла от переживаний. Она, лечившая все пастушье семейство и людей из деревни, которые нередко просили ее помочь, не в силах была совладать со своим судорожно колотящимся от ужаса сердцем и припадками такого смертного удушья, что губы ее синели и закатывались глаза...

Наконец, муж с женой возвратились из города, совершенно потрясенные великолепием свадьбы и теми почестями,

с какими старый герцог принимал в замке свою невестку. Даже с ними, простыми пастухами, он был сама доброта и приветливость! Лишь тогда, под их бесконечные рассказы, когтистый страх начал отпускать измученную Паулину, и ее больное сердце потихоньку успокоилось.

В тот миг, когда Конрад Неустршимый увидел Розалинду, и на него неожиданно взглянула фиалковыми глазами давно умершая Агнес, он невольно вздрогнул, и странный жуткий озноб пробежал по его вмиг похолодевшему телу... Почти такое же изумление отразилось на лице старого управителя – он даже ахнул, не сдержавшись – и тех придворных, кто знал прежнюю герцогиню. А увидев маленькую, с гречишное зернышко, родинку на нежной шее, которую ему так нравилось целовать, Конрад словно в тумане подался вперед – будто в спину толкнули! Эта появившаяся ниоткуда девушка была совершенно такая, какой герцог всегда хотел видеть свою Агнес – гордой, смелой и веселой, даже чуть-чуть насмешливой! И он вконец потерял голову... В сознании что-то помутилось, и мгновенно Конрадом овладела поистине безумная страсть к прекрасной невестке.

Он сразу понял – кто она, и это открытие удивительным образом не только не остановило, но лишь подстегнуло его дикое влечение. И в воображении он соперничал вовсе не с

молокососом Генрихом, а с тем неведомым, кто единственный за всю жизнь – и то лишь неслыханной подлостью! – смог одержать над ним верх. Герцогу уже не было дела до скрывшейся когда-то повитухи – жива она еще или нет, он был ей благодарен, что уберегла младенца. Теперь одна все затмевающая мысль властвовала над ним, вернее, пьянило одно лишь неистовое кипящее желание – быть рядом с обожаемой, восхитительной Розалиндой! Уподобясь детям, чтобы почаще видеть ее, он придумывал всевозможные хитрости, порой совершенно несуразные и настолько очевидные для всех, что придворные начали усмехаться, пока еще втихомолку, но прежде такого нельзя было даже вообразить.

А как невыносимо страдала от неприличности своего положения герцогиня Брунгильда! Часто, находясь на людях, она прятала руки в складках платья и сжимала их так, что кольца, изукрашенные зернью, впивались ей в пальцы, и этой болью пыталась заглушить жгучий стыд. Хорошо, что Генрих, кажется, ничего странного пока не замечал. И верно, прекрасная Розалинда и буквально носивший ее на руках юный супруг, упоенные своим безмятежным счастьем, почти не видели происходившего вокруг них. Но однажды разговаривая за обедом, Роза вскользь, взглядом, еще предназначенным мужу, рассеянно-ласково взглянула на герцога, и роковая молния пронзила его душу и без того распаленную страстью. Он решил избавиться от Генриха – избавиться навсегда! А заодно и от постылой Брунгильды. Жаль, что близ-

кой войны сейчас нет, чтобы послать на гибель пасынка. Но зато всегда есть охота! И его верный Йохан еще в силе и по-прежнему сообразителен.

В тот день охотники почему-то возвращались раньше обыкновенного и непривычно молчаливые, слышен был лишь стук копыт по брусчатке. Эта ли странность или материнское предчувствие толкнуло Брунгильду к окну, она обеспокоенно посмотрела вниз – по двору несли на руках бесчувственного Генриха с окровавленной головой. Зажав рвущийся из груди крик, герцогиня бросилась к лестнице – жив ли ее мальчик? Оказалось, что он на всем скаку вылетел из седла. Возможно, конь его вдруг заупрямился, хотя Генрих на него раньше не жаловался, а сам был превосходным наездником, но роковое несчастье произошло.

Юношу перенесли в комнату, уложили на постель. Лекарь промыл и перевязал глубокую рану и вправил выбитое плечо. Только теперь вполне понявшая свое горе Брунгильда села возле сына, глотая слезы и глядя дрожащей рукой его спутанные светлые волосы... Она не позволила Розе видеть мужа, насколько можно мягче описав его состояние и всячески успокаивая, ведь она уже знала от Генриха, что невестка ждет ребенка, и сильное волнение может ей повредить.

Вскоре к Брунгильде тихонько подошел ее верный слуга,

привезенный еще из замка покойного мужа и с детства приставленный к сыну. Оглянувшись по сторонам, он прошептал ей, что тайком осмотрел коня Генриха, его подковы, седло и сбрую. И у него нет сомнения, что подруга была нарочно кем-то подрезана. У Брунгильды при этом известии сердце едва не вырвалось из груди – несомненно, это Конрад, его рук дело!

На третий день, до крайности измученная неизвестностью и предполагая самое худшее, Рози настояла, чтобы ей наконец позволили увидеть мужа. И все оказалось примерно так, как представлялось в ее отчаянии – Генрих лежал по-прежнему без памяти. Брунгильда, с темными кругами вокруг глаз, бессонно сидела рядом, денно и ночью оберегая сына, ведь герцог в любой момент мог снова подослать убийцу. Но она уже выбилась из сил и теперь позволила невестке сменить себя, оставив у дверей и верного слугу. Глядя на безжизненное лицо мужа с запавшими глазами, Рози казалось, что несчастье уже непоправимо. Только тетушка Ханна, возможно, еще сумела бы ему помочь. И как горько она пожалела, что плохо вникала в тонкости лечения травами, которым заботливая тетушка старалась ее обучить. Правда, они с ней уговорились, что, если надо подать тайную весточку или попросить о помощи, Рози пошлет домой два засушенных цветка – фиалку и незабудку, перевязанные накрест белой ниткой, и по этому условному знаку тетушка поймет, что посланец в самом деле от Розы. Но зная, как тщательно

она осматривала больного, расспрашивая о всех признаках недуга, чтобы выбрать нужные для лечения травы – а их у нее был целый чуланчик! – Роза понимала, что ни один гонец герцога не сумеет толком объяснить, что за рана у Генриха, к тому же им нельзя доверять. И обе женщины, к несчастью, не знали грамоты. Значит, надо срочно отправляться самой!

Ехать по тряской, уже подмерзающей в ноябре лесной дороге было слишком опасно для будущего ребенка, но главной заботой для Розы было одно – спасти любимого мужа! Герцог Конрад всячески отговаривал ее, ведь ради сына может съездить и Брунгильда, правда? Но отменяя возражения герцога, Роза твердо стояла на своем и объявила, что поедет непременно сама, не доверяя столь важное поручение ни одному гонцу. Герцог настойчиво ее переубеждал и все больше горячился, упрямо сверкая глазами. Их спор прекратила Брунгильда, неотрывно смотревшая на Конрада. Поддержав невестку, она сказала: "Идем, дорогая, я помогу тебе собраться в дорогу, надо спешить!" – и приказала слугам выстлать внутри карету волчьими шкурами, чтобы смягчить толчки на ухабах. А герцог странно промолчал, потупившись, как будто вспомнил нечто важное, и словно не замечая суеты на дворе, даже не вышел проводить Розы. Вскоре, хотя надвигалась ночь, она в сопровождении четырех во-

оруженных верховых слуг с факелами, помчалась к тетушке.

Проехали уже половину пути среди непроглядного леса, когда послышались быстро приближающиеся звуки погони. Или это не погоня? Судя по стуку копыт, всадников было всего двое. Из темноты послышался грозный окрик герцога. "Стой!" Голос тотчас узнали, кучер осадил коней, все остановились. Подлетевший в сопровождении Йохана герцог торопливо слез с коня и бросился к карете. Распахнув дверцу, он вскочил внутрь и в дрожащем отсвете факелов увидел Розалинду, закутанную в меховую накидку. Она неподвижно сидела в углу кареты и очевидно, дремала, низко опустив голову. Вот он, вожаденный миг! Сейчас он захлопнет дверцу, крикнет кучеру – пошел! – и... "Рози, душа моя!" – задохнувшись от страстного нетерпения, воскликнул Конрад, и сдернув с руки перчатку, отвел мех от ее лица. На него в упор сверкнули – яростно горящие гневом и пронзающие клинками – стальные глаза Брунгильды! Герцог изумленно отшатнулся назад, прохрипел что-то несвязное... Попятился из кареты, и неверно ступив на подножку, грянулся навзничь о землю.

Подбежали спешившиеся слуги, Йохан приподнял голову герцога. Иссиня-багровое лицо его было перекошено, глаза бессмысленно застыли, а из угла рта струйкой текла по бороде черная кровь. Все с ужасом перекрестились. Выглянувшая из кареты Брунгильда, сжав губы, пристально посмотрела на мертвого мужа. Увидев ее, Йохан застыл в немом

недоумении и даже головой тряхнул, пытаясь сообразить, что произошло? Герцогиня велела ему, взяв еще одного слугу, перевезти тело господина в замок, а сама заспешила дальше, к дому пастухов, торопя кучера – гони, гони! Приоткрыла на ходу дверцу и брезгливо, как ядовитую жабу, носком башмачка столкнула под колеса оброненную герцогом перчатку.

Генрих открыл глаза... Белоснежно сиял за окном зимний день, и солнце веселым золотом разливалось по комнате. Он зажмурился. Солнечный луч щекотно тронул веки, Генрих слабо улыбнулся и снова чуть приоткрыл глаза. Что с ним? Возле постели, уронив на колени начатое вязание, дремала на стуле незнакомая старушка, а впрочем... Смутно показалось, что это лицо он где-то видел. Но почему он среди дня лежит, да еще в чужой комнате? Неуверенно попытался пошевелиться... Ох, как же больно в голове! И словно услышав его стихий стон, старушка вдруг встрепенулась, удивленно всплеснула руками и радостно зачастила:

– Очнулся! Очнулся, вот радость-то! Лежите, лежите, Ваша светлость, Вам нельзя еще двигаться. Но теперь уж точно скоро подниметесь, непременно!

– Кто ты? Вроде видел я тебя...

– Так как же! Я – Ханна, тетушка госпожи Розалинды.

– Скажи, что со мной случилось?

– С лошади на охоте упали. Да месяц, почитай, без памяти были... Я уж и не чаяла Вас выходить, но Господь милостив, уберег свет-наш герцога! А вот и матушка ваша сюда идет, то-то обрадуется! Очнулся, очнулся он, Ваша светлость! А ведь мы все глаза проплакали, ночей не спавши, каждый вздох ловили-оберегали да молились непрестанно... Но теперь-то быстро на поправку пойдете, к Рождеству на ногах уж будете! А там и голова совсем подживет – сможете без опаски корону надеть!

Генрих недоумевающе взглянул на подошедшую мать. Кивнув, она сдержанно сказала: "Да, герцог Конрад временно покинул нас." Но в растерянных глазах Генриха все еще стоял вопрос... Мать улыбнулась ему: "Потом, потом..." И под неумолчное приговаривание счастливой сиделки, Брунгильда обняла сына за исхудавшие плечи, и нежными поцелуями покрывая бледное лицо с юношеским пушком на подбородке, горячо шептала: "Мальчик мой родной! Слава Богу, жив!"

– А что ж я сижу тут? Розы, Розы-то надо сказать! – спохватилась старушка – Ох, извелась голубка наша, а тревожиться ей никак нельзя. Скорей побегу к ней!"

И Генрих постепенно начал вспоминать...

После смерти герцога Конрада в собор к воскресной мессе стала приезжать мать покойной герцогини Агнессы. И когда хрупкая седая женщина медленно шла по проходу к своему месту, многие кланялись ей, почтительно отступая. Однажды, на праздничном молебне по случаю крестин новорожденного герцога, она появилась в сопровождении монаха в чужестранном облачении. Еще не старого, но с измученным лицом и неожиданно кроткими темными глазами, которые он опускал, встречая чей-то любопытствующий взгляд. Проводив мать Агнес на ее обычное место, он тихо отошел и неподвижно встал в тень у боковой стены, почти слившись с ней и склонив голову, медленно перебирал затертые кипарисовые четки...

Но вот радостными переливами взметнулись под высокие гулкие своды, сразу заполнив весь собор, звуки органа. Перед алтарем появился епископ в окружении причта, и началась торжественная служба. Взоры прихожан обратились на счастливую герцогскую чету – сегодня утром был крещен столь долгожданный наследник! А когда герцог Генрих с супругой после благословения епископа повернулись к присутствующим в храме, и неизвестный монах внезапно увидел фиалковые глаза Розалинды – словно чудом воскресшей Агнес! – по телу его пробежал заметный трепет, и нервные ху-

дые пальцы судорожно стиснули четки. Он еще ниже надвинул свой монашеский капюшон, закрывая лицо и неудержимо катившиеся по нему слезы...

Уронив на грудь голову, монах опустился на колени в изножи надгробной плиты, и благоговейно поцеловав простой темно-серый камень, молитвенно сложил худые руки. Потом раскинув их, он крестом припал к земле и надолго замер в полной неподвижности, лишь плечи временами чуть вздрагивали. А над ним, над благоухающим шиповником, густо разросшимся в ограде усыпальницы, на крыльях майского ветерка летел, приветствуя новорожденного герцога, звонкий церковный благовест и волнами разливался вокруг, радостно подхваченный всеми городскими колоколами...